

Аллан Кардек

Книга медиумов

Аллан Кардек
Книга медиумов

«Public Domain»

Кардек А.

Книга медиумов / А. Кардек — «Public Domain»,

«... Занимающиеся спиритизмом имеют весьма естественное желание самостоятельно вступить в общение с духами. Это сочинение предназначено облегчить их труд, доставив им возможность воспользоваться плодами наших долгих и постоянных занятий, потому что весьма ошибаются те, кто думают, что достаточно уметь положить пальцы на стол с целью заставить его двигаться или держать карандаш, который должен писать, чтобы оказаться опытным в этом деле. Равно ошибаются и те, кто полагают найти в этой книге точное и непреложное правило создания медиумов. <...> Правила поэзии, живописи и музыки не делают ни поэтов, ни живописцев, ни музыкантов из тех, кто не имеют таланта; они только направляют природные способности. То же самое можно сказать и в отношении нашего сочинения: его предмет заключается лишь в том, чтобы указать средства к развитию медиумической способности настолько, насколько позволяют природные средства каждого, и в особенности дать полезное направление, когда эта способность существует. ...» (Из Предисловия)

Содержание

Введение	5
Часть первая. Предварительные сведения	8
Глава 1. Существуют ли духи?	8
Глава 2. Чудесное и сверхъестественное	12
Глава 3. Методы убеждения и переубеждения противников спиритизма	18
Глава 4. Системы или попытки объяснения спиритических явлений	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аллан Кардек

Книга Медиумов

Введение

Наблюдения утверждают нас ежедневно в том мнении, что затруднения и обманы, встречаемые в практических занятиях спиритизмом, проистекают из незнания правил этой науки, и потому мы счастливы, что могли убедиться, насколько труд, предпринятый нами с целью предохранить неопытных последователей от этих опасностей, не остался бесплодным и что многие вследствие внимательного чтения этой книги могли избежать их.

Занимающиеся спиритизмом имеют весьма естественное желание самостоятельно вступить в общение с духами. Это сочинение предназначено облегчить их труд, доставив им возможность воспользоваться плодами наших долгих и постоянных занятий, потому что весьма ошибаются те, кто думают, что достаточно уметь положить пальцы на стол с целью заставить его двигаться или держать карандаш, который должен писать, чтобы оказаться опытным в этом деле.

Равно ошибаются и те, кто полагают найти в этой книге точное и непреложное правило создания медиумов. Хотя в каждом из нас есть зародыш способности, необходимой для того, чтобы сделаться медиумом, но способность эта бывает различной степени, и развитие ее происходит от причин, не зависящих от нас. Правила поэзии, живописи и музыки не делают ни поэтов, ни живописцев, ни музыкантов из тех, кто не имеют таланта; они только направляют природные способности.

То же самое можно сказать и в отношении нашего сочинения: его предмет заключается лишь в том, чтобы указать средства к развитию медиумической способности настолько, насколько позволяют природные средства каждого, и в особенности дать полезное направление, когда эта способность существует. Но не в этом одном заключается наша цель.

Кроме собственно медиумов, есть множество лиц, число которых каждый день увеличивается и которые занимаются спиритическими явлениями. Руководить ими в наблюдениях, указать им опасности, которые они могут и должны встретить в предмете новом, познакомить их со способом обращения с духами, указать им средства получать хорошие сообщения – таков круг, который мы должны охватить, если желаем, чтобы труд наш вполне достиг своей цели.

Пусть не удивляются, если встретят в этом сочинении вещи, которые с первого взгляда могут показаться довольно странными; наблюдения покажут их пользу. Изучив предмет со вниманием, лучше поймут явления, которых будут свидетелями. Язык некоторых духов покажется тогда менее странным. Как наставление практическое книга эта не относится исключительно к медиумам, но ко всем тем, которые только могут видеть и наблюдать спиритические феномены.

Некоторые желали, чтобы мы издали книгу практики, самую сокращенную, содержащую в немногих словах указание способов войти в отношение с духами. Они полагают, что небольшая книжка такого рода могла бы по умеренности цены своей разойтись во множестве, что послужило бы сильным средством к распространению спиритизма, увеличив число медиумов. Что касается нас, то мы считаем это средство скорее вредным, чем полезным, по крайней мере в настоящее время.¹ Практика спиритизма окружена большими затруднениями и не всегда изъята от неудобств, от которых может предохранить одно лишь серьезное и точное изучение.

---

¹ Писано Кардеком в 1859 году. – *Асгарта* (1904 г.). (*Асгарта* – один из первых в России комментаторов и издателей А. Кардека)

Поэтому следует опасаться, чтобы слишком краткое указание не было причиной опытов, делаемых с легкомыслием, в каковых пришлось бы после раскаиваться. Это один из таких предметов, с которыми не только неприлично, но и неблагоприятно играть, и мы полагаем, что оказали бы очень дурную услугу, дав такую книгу в руки ветренику, который нашел бы очень занимательным поговорить с умершими.

Мы обращаемся к людям, которые видят серьезную цель в спиритизме, которые понимают его важность и не делают забавы для себя из сообщений с невидимым миром.

Мы издали «Практическое наставление для руководства медиумам». Экземпляры этой книги в настоящее время все уже разошлись, и хотя эта книга была написана с целью высокой и серьезной, но мы ее не перепечатаем, потому что не находим ее достаточно полной, чтобы разъяснить все затруднения, могущие встретиться. Мы заменили ее «Книгой медиумов», собрав в ней все данные, приобретенные нами долгою опытностью и добросовестным изучением предмета. Она поможет, как мы по крайней мере надеемся, дать спиритизму характер серьезный, составляющий его существенную принадлежность, и не позволит смотреть на него как на Предмет легкого занятия и забавы.

К этим рассуждениям мы присоединим еще одно соображение, весьма важное: это дурное впечатление, испытываемое новичками или мало расположенными в пользу спиритизма при виде опытов, производимых с легкомыслием и без причин. Они имеют ту невыгоду, что дают весьма неверную идею о мире духов, и вместе с тем повод к насмешкам и критике, часто основательной. Поэтому неверующие выходят из собрания убежденными и всегда почти мало расположенными видеть в спиритизме серьезную сторону. Невежество и легкомыслие некоторых медиумов принесли многим людям более вреда, чем предполагают.

Спиритизм в несколько лет сделал большие успехи, но в особенности с того времени, как вступил на путь философии, потому что тогда оценили его люди просвещенные. В настоящее время это уже не зрелище; это учение, над которым не смеются те, кто насмеялись над вертящимися столами. Делая всевозможные усилия, чтобы поставить и удержать его на этой высоте, мы убеждены, что таким образом приобретем ему более полезных последователей, чем производя местами явления, которые можно было бы употребить во зло. Мы каждый день видим этому доказательство в числе особ, сделавшихся сторонниками вследствие одного лишь чтения «Книги духов».

Изложив в «Книге духов» философскую часть спиритической науки, мы предлагаем здесь практическую часть для тех, кто желают заниматься явлениями сами или захотят дать себе отчет в тех феноменах, которые будут видеть. Эта книга укажет им могущие встретиться опасности и таким образом даст им средство избежать их. Эти две книги, хотя последняя служит продолжением первой, в некоторой степени независимы одна от другой; но тем, кто желает заняться серьезно этим предметом, мы советуем прежде прочесть «Книгу духов», потому что она заключает в себе основные начала, без которых некоторые места «Книги медиумов» могут быть с трудом поняты.

В этом втором издании, гораздо более полным, чем первое, сделаны значительные улучшения. Оно было исправлено с особенным тщанием духами, которые прибавили в нем много примечаний и наставлений, в высшей степени интересных. Так как они все это сочинение пересмотрели, одобрили и изменили по-своему, то можно сказать, что большая часть его есть их творение, потому что вмешательство их не ограничивалось одними подписанными только сообщениями. Мы выставляли имена их тогда только, когда считали это нужным для обозначения характера некоторых пространственных сообщений, иначе нам пришлось бы подписывать имя почти на каждой странице, что не принесло бы никакой пользы. Имена, как известно, мало имеют значения в этом случае. Главное – то, чтобы все сочинение это соответствовало цели, предложенной нами. Прием, оказанный первому изданию, хотя и менее совершенному, заставляет нас надеяться, что и это будет иметь не меньший успех.

Так как мы прибавили к нему многое, и даже несколько целых глав, то выпустили все, что показалось нам лишним, как, например, «Иерархию духов», помещенную уже в «Книге духов». Точно так же опущен здесь «Словарь»,² который не входил собственно в рамки этого сочинения и который заменен с пользой вещами более практическими. Впрочем, словарь этот не был достаточно полон. Мы издадим его позже отдельно в виде маленького лексикона спиритической философии; мы оставили здесь только новые и специальные слова, относящиеся к предмету, которым мы занимаемся.

---

² Кардек, несмотря на это, все-таки приложил к этой книге краткий словник, который помещен в конце второй части. – *Асгарта*.

Часть первая. Предварительные сведения

Глава 1. Существуют ли души?

1. Сомнение относительно существования духов происходит от незнания их истинной природы. Вообще их представляют существами особыми в творении, необходимость которых не доказана. Многие знают о них только из фантастических сказок, которыми их убаюкивали в детстве, почти так же, как некоторые знают историю из романов.

Не стараясь узнать, не имеют ли сказки эти, если откинуть от них все смешные прибавления, в основании своем истины, люди поражаются только нелепою стороною их, не давая себе труда очистить горькую кору, чтобы открыть под нею зерно. Они отбрасывают все, как делают в отношении религии те, кто, будучи оскорблены некоторыми злоупотреблениями, смешивают все в общем порицании.

Но какую бы ни составляли себе идею о духах, верование это основано на существовании разумного начала вне материи, она несовместима с совершенным отрицанием этого начала. Итак, мы начнем с существования, переживания индивидуальности души, чему спиритуализм служит теоретическим и догматическим доказательством, а спиритизм – доказательством очевидным. Откинем на время проявления духов, и, рассуждая последовательно, посмотрим, к каким результатам приведут нас эти рассуждения.

2. Поскольку допускают существование души и ее индивидуальность после смерти, то необходимо допустить также: 1) что природа ее отлична от природы тела, потому что, раз освободившись от него, она не имеет более его свойств; 2) что она пользуется самосознанием, потому что ей приписывают радость или мучение, иначе она была бы существом бездейственным и тогда, для нас было бы все равно, что и не иметь ее. Допустим это и то, что душа после смерти тела должна отправляться куда-нибудь. Что же с нею делается и куда она улетает?

По общепринятому верованию, она идет на небо или в ад.

Но где же небо и где ад? Прежде говорили, что небо наверху, а ад внизу; но что такое верх и низ во Вселенной с тех пор, как знают шарообразную форму Земли, как знают, что небесные тела движутся, вследствие чего то, что в какую-то минуту составляло верх, по прошествии двенадцати часов будет низ, и как, наконец, знают о бесконечности пространства, в неизмеримых расстояниях которого тонет взгляд? Правда, что под словом «низ» понимают также недра Земли. Но чем сделались они с того времени, как геология исследовала их?

Что сделалось также с этими концентрическими сферами, называемыми «небом огня», «небом звезд», с тех пор как узнали, что Земля не составляет центра миров; что само Солнце наше есть одно из миллионов солнц, которые сияют в пространстве и из которых каждое составляет центр планетных вращений?

В чем заключается теперь важность Земли, теряющейся в этой несметности? По какой несправедливой привилегии эта незаметная песчинка, не отличающаяся ни объемом, ни положением, ни особенною ролью, будет одна населена существами разумными?

Рассудок отказывается допустить бесполезность бесконечности, и все говорит нам, что миры эти населены. Если они населены, то они также служат жилищами для душ; но еще раз, что делается с этими душами, когда в настоящее время астрономия и геология разрушили назначенные для них жилища, и особенно с тех пор, как теория, столь правильная, о многочисленности миров размножила их до бесконечности?

Так как учение о назначении определенного места для душ не может согласоваться с данными науки, то поэтому другое учение, более логичное, назначило им жилищем не место, ограниченное пределами, а все пространство Вселенной: это целый невидимый мир, среди

которого мы живем, который нас окружает, с которым мы находимся в беспрестанном столкновении.

Есть ли в этом что-нибудь невозможное, что-нибудь противное здравому рассудку? Нисколько, напротив, все нам говорит, что иначе и быть не может. Но в таком случае, что же сделается с будущими наказаниями и наградами, если вы отнимете у них назначенные им места? Заметьте, что неверие относительно наказаний и наград происходит вообще оттого, что их представляют при недопустимых условиях. Но скажите, напротив, что души черпают свои счастье и несчастье в самих себе, что участь их подчинена их нравственному состоянию, что собрание душ симпатичных и добрых есть источник блаженства, что по мере их чистоты они проникают и провидят то, что недоступно для душ, менее очищенных, и тогда все поймут это и признают без труда; скажите еще, что души не иначе достигают высшей степени, как только усиленным старанием улучшить себя и после целого ряда испытаний, которые служат к их очищению; что ангелы суть души, достигшие последней степени, которой могут с доброю волею достигнуть все; что ангелы суть посланники Божии, которым поручено наблюдать за исполнением Его воли во всей Вселенной; что они счастливы этими славными миссиями, и вы придадите их блаженству цель более полезную и более привлекательную, чем беспрестанное созерцание, которое было бы не что иное, как вечная бесполезность.

Скажите, наконец, что демоны суть не что иное, как души злых, еще не очистившихся, но которые могут со временем достигнуть совершенства, как и другие, и это покажется более согласным со справедливостью и благодатью Бога, чем учение, проповедующее, что они созданы для зла и навсегда преданы злу. Повторяю снова, вот что рассудок самый строгий, логика самая взыскательная, здравый смысл, наконец, могут допустить.

Эти-то души, населяющие пространство, и суть именно тек называемые духи.

Итак, духи суть не что иное, как души людей, освободившиеся от своей телесной оболочки. Если бы духи были существа особенные, то существование их было бы более проблематическое; но если допустить, что есть души, то необходимо допустить, что есть и духи, которые суть не что иное, как души. Если допустить, что души находятся везде, то необходимо допустить, что и духи находятся везде. Нельзя отвергать существование духов, не отвергнув существование душ.³

3. Правда, что это тоже теория, только более разумная, нежели другая, но и то уже много, что теории этой не противоречат ни рассудок, ни наука. Если же она, кроме того, подкрепляется еще фактами, то, значит, ее подтверждают рассуждения и опыт. Эти факты мы находим в спиритических явлениях, которые служат явным доказательством существования и переживания души. Но у многих людей на этом и останавливается их верование. Они допускают существование душ и, следовательно, существование духов, но отвергают возможность сообщаться с ними, потому, говорят они, что существа нематериальные не могут действовать на материю. Это сомнение основано на незнании натуры духов, о которой вообще составляют себе самую ложную идею, потому что их представляют существами отвлеченными и неопределенными, что совершенно несправедливо.

Представим себе духа в его соединении с телом. Дух есть существо главное, потому что он есть существо *мыслящее и переживающее*. Следовательно, тело есть не что иное, как *временная принадлежность духа*, оболочка, которую он сбрасывает с себя, когда она изнашивается.

Кроме этой материальной оболочки, дух имеет еще другую, полуматериальную, соединяющую его с первой. По смерти дух освобождается от первой, но не от второй, которую мы называем перисприт.⁴ Эта полуматериальная оболочка, имеющая человеческую форму, состав-

---

³ В этом параграфе изложены основные тезисы спиритизма, а в этих словах с особенною выразительностью и яркостью – главнейший из них. Следует помнить, что Аллан Кардек – это классик спиритизма, и его доктрины вошли во все сочинения этого рода. – *Асгарта*.

⁴ Perisprit. По учению спиритов, человеческое существо состоит из: 1) вечного начала; 2) астрального тела (перисприта);

ляет для духа эфирное, воздушное тело, которое хотя и невидимо для нас в своем нормальном состоянии, но не менее того обладает некоторыми свойствами материи. Итак, дух не есть точка, отвлеченность, а существо определенное и ограниченное очертаниями, которому недостает только быть видимым и осязаемым, чтобы походить на человека.

Почему же не действовать ему на материю? Не потому ли, что его тело эфирно? Но не в числе ли токов самых утонченных, тех даже, которые считаются невесомыми, как, например, электричество, человек нашел самых могучих деятелей? Разве невесомый свет не производит химического действия на материю весомую? Мы не знаем внутренних свойств перисприта, но предположим, что он составлен из материи электрической, световой или какой-нибудь другой, столь же тонкой, почему же он не может иметь тех же свойств, будучи направляет волею?

4. Так как существование души и существование Бога, из коих одно есть следствие другого, составляют основание всего здания, то прежде, чем начать спиритическое прение, необходимо удостовериться, признает ли возражающий основание это. Если на вопросы: «Верите ли вы в Бога?», «Верители, что имеете душу?», «Верите ли, что душа живет после смерти тела?» он будет отвечать отрицательно или даже скажет: «Я не знаю, желаю, чтобы это было так, но не уверен», что весьма часто значит то же, что учтивое отрицание, облеченное в форму менее резкую, дабы избежать столкновения с так называемыми «почтенными предрасудками», то было бы столь же бесполезно идти далее, как доказывать свойства света слепому, не допускающему света, потому что спиритические проявления суть не что иное, как действие свойств души. С таким неверующим должно следовать совершенно другому порядку идей, если не желают терять времени.

Если же основание допущено не в виде *вероятия*, но как вещь доказанная, неопровержимая, тогда существование духов вытекает из него очень естественно.

5. Остается теперь вопрос, может ли дух сообщаться с человеком, то есть, может ли он меняться с ним мыслями. Почему же нет? Что такое человек, как не дух, заключенный в теле? Почему же свободный дух не может сообщаться с плененным духом, как свободный человек с человеком, закованным в цепи? Раз уж вы допустили переживание души, то последовательно ли будет не допустить переживание душевных расположений? Так как души находятся везде, то не естественно ли думать, что душа того человека, который нас любил при жизни, посещает нас, что она желает сообщаться с нами и что она употребляет для этого средства, которые имеет в своем распоряжении?

Во время жизни своей не действовала ли она на свое тело? Не она ли управляла движениями его? Почему же после смерти своей с согласия другого духа, связанного с телом, она не может позаимствовать это живое тело, чтобы проявить свою мысль, подобно тому, как немой прибегает к помощи говорящего, чтобы его поняли?

6. Откинем на время явления, которые в глазах наших делают идею эту неопровержимой. Допустив ее в виде простого предположения, мы просим, чтобы неверующие доказали нам не простым отрицанием, потому что их личное мнение не составляет еще закона, а доводами положительными, что этого не может быть. Мы будем смотреть на предмет с их точки зрения, и так как они желают оценить спиритические явления посредством законов материи, то пусть почерпнут они из этого арсенала какие угодно доказательства математические, физические, химические, механические, физиологические и докажут посредством $a + b$, начиная всегда с принципа существования и переживания души:

1) что существо, думающее в нас, во время нашей жизни, не должно более думать после нашей смерти;

2) что если оно думает, то не должно более думать о тех, которых любило;

---

3) физического тела. Оба тела не вечны: бессмертно только божественное начало. Физическое тело умирает в несколько лет, а астральное перерождается в несколько тысячелетий. — *Асгарта*.

- 3) что если оно думает о тех, кого, любило, то не должно желать сообщаться с ними;
- 4) что если оно может быть везде, то не может быть возле нас;
- 5) что если оно бывает около нас, то не может сообщаться с нами;
- 6) что посредством своей эфирной оболочки оно не может действовать на безжизненную материю;
- 7) что если может действовать на безжизненную материю, то не может действовать на существо одушевленное;
- 8) что если может действовать на существо одушевленное, то не может управлять его рукою, чтобы заставить его писать;
- 9) что если может заставить его писать, то не может отвечать на его вопросы и передавать ему свою мысль.

Когда противники спиритизма докажут нам, что этого не может быть доводами столь же ясными, как те, которыми Галилей доказал, что не Солнце вращается около Земли, тогда мы сможем сказать, что их сомнение основательно. К несчастью, до сего времени все их возражения ограничиваются только следующими словами: *Я не верю, следовательно, это невозможно.* Они скажут без сомнения, что прежде мы должны доказать действительность явлений; мы им это доказываем и фактами, и рассуждениями; ежели они не убеждаются ни тем, ни другим, ежели они отрицают даже то, что видят, то в таком случае им следует доказать нам, что наше рассуждение ложно и что факты невозможны.

Глава 2. Чудесное и сверхъестественное

7. Если бы верование в духов и их проявления было идеей частной, произведением системы, то оно могло бы с некоторой справедливостью быть подозреваемо в иллюзии. Но пусть нам скажут, почему его находят у всех древних и новых народов, в священных книгах всех известных религий?

Это потому, говорят некоторые критики, что во все времена люди любили чудесное. – Что же такое чудесное, по-вашему? – То, что сверхъестественно. – Что разумеете вы под сверхъестественным? – То, что противно законам природы. – Следовательно, вы знаете так хорошо эти законы, что можете назначить границы могуществу Божию? Так докажите же, что существование духов и их проявления противны законам природы; что это не есть и не может быть одним из этих законов. Проследите все учение спиритизма и тогда вы убедитесь, что последовательность явлений этих имеет все свойства удивительного закона, который разрешает все, чего философские законы не могли до сего времени разрешить. Мысль есть принадлежность духа; возможность действовать на материю, производить впечатление на наши чувства и вследствие этого перервать свою мысль происходит, если мы можем выразиться так, от его физиологического устройства; следовательно, в этом явлении нет ничего сверхъестественного, ничего чудесного. Пусть умерший человек (совершенно умерший) оживет телесно, пусть разбросанные его члены соединятся для составления его тела – вот что будет чудесно, сверхъестественно, фантастично. Это действительно было бы нарушением законов, которое Бог мог бы сделать только как чудо, но в спиритическом учении нет ничего подобного.

8. Однако же, скажут некоторые, вы допускаете, что дух может поднять стол и держать его в воздухе без всякой точки опоры; не есть ли это нарушение закона тяготения?

Да, закона известного; но разве природа сказала нам уже все? Прежде чем испытали силу некоторых газов, кто бы сказал, что тяжелая лодка, наполненная людьми, могла бы преодолеть силу притяжения? Не должно ли это казаться в глазах толпы чудом, действием дьявола? Тот, кто предложил бы сто лет тому назад передать за пятьсот верст депешу и в несколько минут получить на нее ответ, непременно прослыл бы сумасшедшим; а если бы он это исполнил, то подумали бы, что ему помогал дьявол, потому что тогда один только дьявол был способен перемещать место с такой быстротою.

Почему же не известный еще ток не может иметь свойства в некоторых случаях противодействовать тяжести воздушного шара? Это, заметим мимоходом, только сравнение, но не уподобление, и сделано единственно для того, чтобы показать по аналогии, что явление это физически не невозможно. К тому же, когда ученые в наблюдении этого рода феноменов желали идти путем уподоблений, тогда-то именно они и ошибались. Впрочем, явление налицо; никакие отрицания не могут сделать, чтобы его не было, потому что отрицать не значит доказывать. В наших глазах тут нет ничего сверхъестественного; вот все, что мы можем сказать в настоящую минуту.

9. Если явление доказано, скажут многие, то мы его признаем, мы допускаем даже причину, которую вы указали, именно действие неизвестного тока; но при чем здесь вмешательство духов? Вот где чудо, сверхъестественность.

Здесь необходимо было бы изложить все доводы, которые нам кажутся излишними, потому что они вытекают сами собой из прочих частей этого учения. Но, во всяком случае, мы скажем кратко, что они теоретически основаны на следующем принципе: всякое разумное действие должно иметь и причину разумную. На практике же, в наблюдении все феномены, называемые спиритическими, дают доказательства разумности и потому должны иметь причину вне материи; что эта разумность не есть разум присутствующих – это доказано опытом – и, следовательно, должна быть вне их; что так как не видно существа действующего, то оно

есть существо невидимое. Тогда уже, переходя от наблюдения к наблюдению, дошли до заключения, что это невидимое существо, которое назвали духом, есть не что иное, как душа тех, кто жили телесно и кого смерть освободила от грубой, видимой оболочки, оставив им одну только эфирную оболочку, невидимую нам в своем нормальном состоянии. Вот каким образом чудесное, сверхъестественное делается явлением весьма естественным. Когда существование невидимых существ доказано, тогда действие их на материю вытекает уже из свойств их эфирной оболочки. Это действие разумное, потому что после смерти они лишились только своего тела, но сохранили разум, который составляет их сущность. Вот ключ ко всем феноменам, неправильно провозглашенным сверхъестественными.

Итак, существование духов не есть система придуманная, предположение, изобретенное для объяснения явлений. Это результат наблюдений и простое следствие существования души; отрицать эту причину – значит отрицать душу и ее свойства. Те, кто думают, что могут дать более правильное разъяснение этих разумных явлений и, в особенности, разъяснение всех явлений, пусть сделают это, и тогда можно будет рассматривать достоинства обеих теорий.

10. В глазах тех, кто рассматривают материю как единственную силу природы, *все, что не может быть объяснено законами материи, считается чудесным или сверхъестественным.* Для них *чудесное* есть синоним *суеверия*. По этому понятию религия, основанная на существовании начала нематериального, составляет ткань суеверий. Они не смеют сказать этого вслух и потому говорят это тихо; они считают нужным сохранять наружность, допуская, что религия нужна для народа и для того, чтобы дети были послушны, но из двух одно: начало религии или истинно, или ложно. Если оно истинно, то истинно для всех людей; если же ложно, то оно не может быть полезнее для невежд, чем для людей просвещенных.

11. Те, кто восстают против спиритизма во имя чудесного, основываются на принципе материалистов, потому что, не допуская никакого действия материального, они этим самым не допускают существования души. Вникните в основание их мысли, разберите внимательнее смысл их слов, и вы увидите почти всегда этот принцип, если не категорически составленный, то проглядывающий сквозь мнимую философию, которой они прикрывают его. Отнеся к чудесному все, что вытекает из существования души, они последовательны в своих рассуждениях; не допустив причины, они не могут допустить и действия. Отсюда у них является предубеждение, которое делает их неспособными здраво судить о спиритизме, потому что они начинают с принципа отрицания всего того, что не материально. Что касается нас, то из того, что мы допускаем явления, которые суть следствие существования души, нельзя заключить, что мы принимаем все явления, называемые чудесными, что мы защитники всех мечтателей, последователи всех утопий, всех систематических нелепостей. Надо мало знать спиритизм, чтобы думать о нем таким образом.

Но противники наши не всматриваются так близко; необходимость знать то, о чем они говорят, их нисколько не беспокоит. По их мнению, чудесное то же, что нелепое. Спиритизм же основывается на явлениях чудесных, следовательно, спиритизм есть нелепость: для них это суждение без апелляции. Они думают, что противопоставляют довод неопровержимый, когда, сделав тщательное разыскание о беснующихся Св. Медара, о камизарах Севенских или о монахинях Лудунских, они открыли там явные факты плутовства, которых никто, и не опровергает; но истории эти составляют ли евангелие спиритизма? Его последователи отрицали ли когда-нибудь, что шарлатанство обращало некоторые явления в свою пользу, что воображение часто создавало их, что фанатизм чересчур их преувеличивал? Он не отвечает за нелепости, которые могут быть совершены во имя его, точно так же, как всякая истинная наука не отвечает за злоупотребление невежд, как всякая истинная религия – за преувеличения фанатиков. Многие критики судят о спиритизме по сказкам о феях и по народным легендам, которые не что иное, как вымыслы. Это все равно, что судить об истории по историческим романам и трагедиям.

12. Чтобы спорить согласно с логикой о каком-либо предмете, надо его знать, потому, что мнение критика тогда только важно, когда он говорит с совершенным знанием предмета. Тогда только его мнение, будь оно даже ошибочно, может быть принято в соображение; но какое оно может иметь значение относительно предмета, которого он не знает? Истинный критик должен дать доказательства не только своей учености, но и глубокого знания предмета, о котором рассуждает, здравого суждения и решительного беспристрастия. Иначе каждый встречный скрипач может присвоить себе право судить Россини, и каждый маляр критиковать Рафаэля.

13. Спиритизм вовсе не признает всех явлений, считающихся чудесными и сверхъестественными. Он, напротив, показывает невозможность многих из них и странность некоторых верований, которые составляют, собственно говоря, суеверие. Правда, что в том, что он признает, есть предметы, которые для неверующих кажутся чудесными, иначе говоря, суеверием, положим так. Но по крайней мере оспаривайте только эти случаи, потому что против других нельзя ничего сказать, и вы проповедуете обращенным. Нападая на то, что спиритизм сам опровергает, вы доказываете этим ваше незнание предмета, и ваши доводы пропадают даром.

Но где останавливается верование спиритизма, спросят некоторые? Читайте, наблюдайте – и вы узнаете. Всякая наука приобретается только временем и изучением, спиритизм же, который затрагивает самые важные вопросы философии и всех отраслей общественного порядка, спиритизм, который охватывает одновременно человека физического и человека нравственного, составляет сам целую науку, философию, которая так же не может быть изучена в несколько часов, как и всякая другая наука.

Было бы столь же безрассудно видеть весь спиритизм в одном вертящемся столе, как видеть всю физику в некоторых детских игрушках. Для того, кто не желает останавливаться на поверхностном знании, нужны не часы, но месяцы и годы, чтобы изучить все тайны его. Пусть поэтому судят о степени знания и важности мнения тех, кто присваивают себе право рассуждать потому только, что они видели один или два опыта, большей частью служивших им развлечением или препровождением времени.

Они скажут, без сомнения, что не имеют свободного времени, чтобы посвятить его занятиям этой наукой, положим так; никто их к этому не принуждает. Но когда не имеют времени изучить какой-либо предмет, то не должны браться и говорить о нем, а тем более судить, если не желают быть обвинены в легкомыслии. Чем выше кто стоит в науке, тем непростительнее для него судить легкомысленно о предмете, которого он не знает.

14. Изложим кратко наше мнение в следующих предложениях:

1. Все спиритические феномены имеют своим началом существование души, переживание ею своего тела и ее проявления.

2. Эти феномены, будучи основаны на законе природы, не составляют ничего чудесного, ни сверхъестественного в обыкновенном смысле этого слова.

3. Многие явления считались сверхъестественными потому, что не знали их причины. Спиритизм указал их причину, ввел их в разряд феноменов естественных.

4. Между явлениями, признанными сверхъестественными, есть много таких, невозможность которых доказана спиритизмом и которые помещены им в разряд суеверий.

5. Несмотря на то, что спиритизм признает во многих народных верованиях основание истинное, он не допускает нелепостей всех фантастических историй, созданных воображением.

6. Судить о спиритизме по явлениям, которых он сам не допускает, – значит доказывать свое, незнание и лишать свое мнение всякого достоинства.

7. Объяснение признанных спиритизмом явлений, их причин и их нравственных последствий составляет целую науку, философию, которая требует изучения серьезного, постоянного и глубокого.

8. Спиритизм может считать серьезным критиком только того, кто все видел, все изучил, все исследовал с терпением и постоянством наблюдателя добросовестного, который знал бы столько же этот предмет, сколько знает самый просвещенный его последователь, который, следовательно, почерпнул свои знания не из одних только научных романов; которому нельзя противопоставить никакого явления, не известного ему, никакого довода, о котором бы он не размышлял; который будет опровергать уже не простым отрицанием, а доводами более убеждающими; который может, наконец, указать более логичную причину утверждаемых явлений. Такого критика не было еще до сих пор.

15. Мы недавно произнесли слово чудо; краткое замечание по этому предмету не будет неуместно в этой главе о чудесном.

По первоначальному значению его и по его этимологии слово чудо означает нечто необыкновенное, удивительное для зрения. Но это слово, как и многие другие, уклонилось от своего коренного значения, и в настоящее время говорится (согласно определению академии) о действии Божественного могущества, вне общих законов природы. Таково действительно его обыкновенное значение, и только в виде сравнения и метафоры прилагают его к вещам простым, поражающим нас, которых причина нам неизвестна. В план наш вовсе не входит намерение исследовать, мог ли Бог найти полезным в некоторых обстоятельствах нарушать законы, Им же самим установленные. Наша единственная цель состоит в том, чтобы доказать, что спиритические феномены, как бы необыкновенны они ни были, нимало не нарушают этих законов, не имеют ни малейшего характера чудесного и сами нисколько не относятся к разряду явлений сверхъестественных. Чудо необъяснимо; спиритические же феномены, напротив, объясняются совершенно удовлетворительно, следовательно, это не чудеса, но простые действия, имеющие свою причину в общих законах. Чудо имеет еще другой характер: оно бывает необыкновенно и редко повторяется. Но коль скоро действие производится, так сказать, по желанию и различными особами, оно не может уже быть чудом.

Наука каждый день делает чудеса в глазах невежд: вот почему в прежние времена те, кто знали более, чем толпа, слыли за волшебников, и так как предполагали, что всякое знание, высшее человеческого, происходило от дьявола, то их сжигали на кострах. В нынешнее, более просвещенное время довольствуются тем, что посылают их в дома сумасшедших.

Пусть действительно умерший человек, как мы сказали вначале, вновь возвратится к жизни по воле Божества. Это будет истинное чудо, потому что противно законам природы. Но если этот человек имел только вид умершего, если в нем оставалась хоть частица *скрытой жизненности* и наука или магнетическое действие успели оживить его, то для людей просвещенных этот феномен будет обыкновенным; в глазах же невежды это действие покажется чудом, и произведший его будет или побит камнями, или почтен уважением, в зависимости от характера окружающих его лиц. Пусть в некоторых деревнях какой-нибудь физик пустит электрического змея и заставит упасть молнию на дерево. Этот новый Прометей будет, без сомнения, считаться за человека, пользующегося дьявольским могуществом; но Иисус Навин, останавливающий движение солнца или, скорее, земли, вот истинное чудо, потому что мы не знаем ни одного магнетизера, одаренного столь сильным могуществом, чтобы произвести такое чудо. Из всех спиритических явлений самое необыкновенное есть, без всяких сомнений, непосредственное⁵ писание; оно доказывает самым явным образом действие невидимых разумных существ. Но оттого, что феномен этот производится невидимым существом, он не делается более чудесным, чем все другие феномены, которые производятся невидимыми существами,

---

⁵ Непосредственное писание состоит в том, что материализованная рука невидимая или видимая берет карандаш или перо и сама, без помощи медиума, пишет сообщения. На современных сеансах теперь это уже не такое редкое явление, как во времена Аллана Кардека. – *Асгарта*.

потому что эти тайные существа, населяющие пространства, составляют одну из сил природы, силу, которая непрерывно действует на материальный мир, так же как и на мир нравственный.

Спиритизм, объяснивший нам эту силу, дал нам ключ к разрешению множества вещей, необъясненных и не объяснимых никаким другим способом и которые могли в отдаленные времена прослыть чудесами. Он открывает также, что магнетизм есть закон хотя и давно известный, но худо понятый; или лучше сказать, известны были его действия, потому что они производились во все времена, но не знали закона, и это незнание породило суеверие. Как только закон открыт, чудесное исчезает и феномены входят в разряд явлений естественных. Вот почему спириты не делают чудес, заставляя вертеться стол или писать покойника, точно так же как медик, заставляющий оживать умершего, или физик, низводящий на землю молнию. Тот, кто объявит, что посредством этой науки делает *чудеса*, будет или невежда, или имеющий намерение обманывать.

16. Спиритические феномены, точно так же как и магнетические, прежде нежели стала известна их причина, должны были считаться чудесами. Но как скептики, присвоившие себе исключительную привилегию рассудка и здравого смысла, не верят, чтобы вещь была возможна, когда они ее не понимают, то все действия, считающиеся чудесными, служат для них предметом насмешек, а поскольку религия содержит в себе много подобных вещей, то они не верят в религию; отсюда же до совершенного неверия только один шаг. Спиритизм, объясняя большую часть этих действий, дает им разумную причину. Следовательно, он помогает религии, доказывая возможность некоторых действий, которые, не имея более характера чудесного, не менее того необыкновенны, и Бог не делается ни менее великим, ни менее могущественным оттого, что не нарушает Своих законов. Каким только насмешкам ни подвергалось вознесение Св. Кюпертина. Но поднятие на воздух тяжелых тел есть факт, объясненный спиритическим законом. Мы были очевидцами этих явлений, и Хоум, как и другие знакомые нам особы, повторяли несколько раз феномен, производимый Св. Кюпертином. Следовательно, феномен этот входит в круг явлений естественных.

17. В числе явлений этого рода следует поместить на первом плане видения, потому что они чаще случаются. Видение Салетты, которое признало даже духовенство, для нас не заключает в себе ничего необыкновенного. Конечно, мы не можем утверждать, что явление действительно было, потому что мы не имеем тому доказательств, но, по нашему мнению, оно возможно. Принимая во внимание, что тысячи подобных новейших явлений нам известны, мы им верим не потому только, что их действительность нам доказана, но потому в особенности, что мы отдаем себе полный отчет в том, как они производятся. Пусть взглянут на теорию, которую мы излагаем ниже, о видениях – и тогда увидят, что феномен этот делается весьма простым и столь же вероятным, как множество физических феноменов, которые потому только чудесны, что не имеют ключа к своему объяснению.

Что касается лица, явившегося Салетте, то это вопрос другой. Его тождество вовсе нам не доказано. Мы утверждаем только, что видение могло быть, остальное нас не касается; насчет этого каждый может оставаться при своих собственных убеждениях. Спиритизм этим не занимается. Мы говорим только, что действия, производимые спиритизмом, открывают нам новые законы и дают нам ключ ко множеству вещей, которые казались сверхъестественными. Если некоторые из случаев, считавшихся чудесными, находят в нем логическое объяснение, то это служит поводом не спешить отрицать то, чего мы не понимаем.

Спиритические феномены были оспариваемы некоторыми потому именно, что они кажутся выходящими из круга обыкновенных законов и что в них не могут дать себе отчета. Дайте им правильное основание, и сомнение исчезнет. В наш век, в котором не верят на слово, объяснение служит сильной причиной убеждения. Таким образом, мы видим каждый день,

что лица, не видевшие ни вертящегося стола, ни пишущего медиума,⁶ убеждаются точно так же, как и мы, единственно потому, что они читали и поняли. Если бы следовало верить тому только, что мы видим собственными нашими глазами, то убеждения наши ограничивались бы весьма немногими вещами.

---

⁶ Медиум берет в руку карандаш (перо). Рука его немеет, дух водит ею и пишет свои сообщения, вовсе не известные медиуму, и часто даже на иностранном языке. Таков пишущий медиум. – *Асгарта*.

Глава 3. Методы убеждения и переубеждения противников спиритизма

Методы убеждения применительно к материалистам; к материалистам по убеждению и материалистам за недостатком лучшего. Скептики по невежеству, по злой воле, из соображений интереса и недостатка веры, по малодушию, по религиозным соображениям, по разочарованию. Четыре класса спиритов: спириты-наблюдатели, или экспериментаторы; спириты несовершенные; спириты христианские или истинные; спириты экзальтированные. Наилучший порядок, коему стоит следовать, изучая спиритизм.

18. У всех последователей спиритизма является желание весьма естественное и весьма похвальное, которое нельзя не поощрять, желание приобретать новых приверженцев этого учения. Имея в виду облегчение принимаемой ими на себя обязанности, мы намерены исследовать здесь путь самый верный, по нашему мнению ведущий к этой цели; этим мы надеемся избавить их от излишнего труда.

Мы сказали, что спиритизм – это целая наука, целая философия. Поэтому тот, кто желает знать ее серьезно, должен, прежде всего, принудить себя к изучению последовательному и убедиться, что нельзя изучить ее шутя, точно так же как и всякую другую науку. Спиритизм касается всех вопросов, интересующих человечество; поле действий его обширно, и нужно обращать внимание в особенности на его последствия. Верование в духов составляет, без сомнения, его основание, но оно столь же недостаточно для того, чтобы сделать просвещенного спирита, как вера в Бога недостаточна для того, чтобы сделать теолога. Посмотрим, каким образом нужно приступить к этому преподаванию, чтобы скорее убедить человека.

Пусть последователи не пугаются слова «преподавание». Оно может раздаваться не с одной кафедры; и простой разговор может быть преподаванием. Каждое лицо, старающееся убедить другое путем объяснений или опытов, проповедует свое убеждение. Мы желаем только, чтобы труд его был употреблен с пользой, и для этого считаем нужным дать некоторые советы, коими могут воспользоваться и те, кто желают узнать истину сами; они найдут здесь средство вернее и скорее достигнуть цели.

19. Вообще думают, что для убеждения достаточно показать факты. Это действительно кажется путем самым логичным, а между тем наблюдения показывают, что это не всегда лучший путь, потому что есть люди, которых самые очевидные факты нимало не убеждают. Отчего же это происходит? Вот что мы постараемся объяснить.

В спиритизме вопрос о духах есть вопрос второстепенный, вытекающий как следствие; он не должен быть началом проповедования, и в этом-то именно заключается заблуждение, в которое впадают многие и которое часто мешает убеждению некоторых лиц. Так как духи суть не что иное, как души людей, то настоящим началом должно быть существование души. Каким же образом материалист может допустить, что существа живут вне материального мира, когда он думает, что он сам есть только одна материя? Каким образом может он поверить, что есть духи вне его, когда он не верит, что в нем самом есть дух? Тщетно будут собирать перед ним доказательства самые очевидные, он будет оспаривать их все; потому что не допускает основания. Всякое методическое учение должно идти от известного к неизвестному. Для материалиста это известное – материя. Начинайте же с материи и старайтесь, прежде всего, посредством наблюдений убедить его, что в нем есть что-то, не подчиняющееся законам материи; одним словом, *прежде, нежели сделать его спиритом, старайтесь сделать его спиритуалистом*. Но для этого нужно действовать совершенно иначе, нужно вести преподавание свое другими способами; говорить ему о духах прежде, нежели он будет убежден, что имеет душу, значит начинать с того, чем должно кончить, потому что он не может допустить заключения,

не допуская начала. Следовательно, прежде чем убеждать неверующего фактами, необходимо удостовериться в его мнении относительно души, то есть, верит ли он в ее существование, в ее переживание тела, в ее индивидуальность после смерти. Если его ответ отрицателен, то вы напрасно будете говорить ему о духах. Вот правило; мы не говорим, что оно без исключений, но в таком случае, вероятно, должна скрываться причина, делающая человека менее упорным.

20. Между материалистами надо различать два класса. В первом мы ставим тех, кто сделались материалистами вследствие *системы*; у них это не сомнение уже, а решительное отрицание, обдуманное по-своему. В их глазах человек есть машина, которая действует, пока она заведена, которая портится и от которой после смерти остается только один остов. К счастью, число их весьма ограничено и нигде не составляет школы явно признаваемой; мы не считаем нужным распространяться о губельных последствиях подобного учения для общественного порядка, мы довольно подробно изложили этот предмет в «Книге духов» (п. 147 и заключение III).

Когда мы сказали, что сомнение прекращается у неверующих вследствие разумных объяснений, то этого нельзя отнести к материалистам, отвергающим всякое разумное начало вне материи. Большая часть из них упорствует в своем мнении из-за гордости. Они настаивают на своем несмотря ни на какие доказательства, потому что не хотят сознаться в том, что они неправы. С такими людьми нечего делать; не следует обращать внимание даже и тогда, когда они говорят: покажите мне, и я поверю. Некоторые из них откровеннее и говорят прямо: если я и увижу, то не поверю.

21. Второй класс материалистов гораздо многочисленнее, но потому что истинный материализм – чувство неестественное, то он состоит из тех, кто делаются материалистами только вследствие равнодушия и, можно сказать, по неимению лучшего. Они материалисты не по размышлению и весьма желают верить, потому что сомнения составляют мучение для них. Они имеют смутное, стремление к будущему; но это будущее было представлено им в таком виде, что разум их не мог его допустить. Отсюда произошло сомнение, и как следствие сомнения – неверие. У них неверие не составляет системы, и поэтому представьте им что-нибудь согласное с рассудком, и они примут его с радостью; они могут нас понять, потому что они ближе к нам, чем они сами предполагают. С первыми не говорите ни об откровениях, ни об ангелах, ни о рае. Они не поймут вас; но докажите им прежде, что физические законы не в состоянии объяснить всего; остальное придет потом. Совсем другое дело, когда неверие не основано на предубеждении, потому что тогда верование не совсем уничтожено. Это скрытое зерно, заглушенное сорными травами, но которое одна искра может оживить, это слепой, которому возвращают зрение и который рад увидеть свет. Это утопающий, которому подадут доску для спасения.

22. Рядом с собственно материалистами есть третий класс неверующих, которые хотя и спиритуалисты, по крайней мере по имени, но не менее того весьма упрямы: это *неверующие по нежеланию*. Они были бы недовольны своей вере, потому что это нарушало бы их спокойствие в материальных удовольствиях. Они боятся увидеть в этом осуждение их честолюбия, их эгоизма и мирских сует, которые составляют их блаженство: они закрывают глаза, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать. О них можно только сожалеть.

23. О четвертом классе, который мы назовем классом *неверующих по корыстолюбию или по злонамеренности*, мы только упомянем. Они знают очень хорошо, чего держаться в спиритизме, но осуждают его единственно из личных своих видов. О них нечего говорить, равно как и нечего с ними делать. Если истинный материалист ошибается, то он имеет по крайней мере извинение в своей добросовестности. Его можно еще обратить на путь истинный, доказав ему его заблуждение. Относительно же последних все доводы бесполезны; время откроет им глаза и покажет им, может быть, на их же счет, в чем заключался их истинный интерес, потому что, не имея возможности помешать распространению истины, они будут увлечены общим потоком, и с ними вместе все их интересы, которые они считали своим оплотом.

24. Кроме этих категорий противников, есть еще множество оттенков, в числе которых можно считать *неверующих по малодушию*: храбрость у них явится только тогда, когда они увидят, что другие не обжигаются; *неверующие по религиозной строгости*: точное изучение предмета покажет им, что спиритизм опирается на главные основания религии и что он уважает все верования; что одно из его действий состоит в том, чтобы внушить религиозные чувства людям, не имеющим их, укрепить их в тех, у которых они шатки. Потом следуют неверующие по гордости, по страсти к противоречиям, по беспечности, по легкомыслию и прочие.

25. Мы не можем пропустить еще одну категорию, которую назовем категорией *неверующих по разочарованию*. Она состоит из людей, которые перешли от излишнего доверия к неверию, потому что они были обмануты в своих надеждах. Тогда, приведенные в уныние, они все оставили, все отвергли. Они находятся в том же положении, как человек, который отрицал бы добросовестность, потому что был обманут. Это еще один результат неполного изучения спиритизма и недостатка опытности. Тот, которого обманывают духи, бывает обманут потому, что он требует от них того, чего они не должны или не могут сказать, или потому, что он недостаточно сведущ в этом предмете, чтобы отличить истину от лжи. Многие, впрочем, видят в спиритизме одно лишь новое средство гадания и воображают себе, что духи созданы для того, чтобы ворожить. Впрочем, духи легкомысленные и насмешники не теряют этого случая позабавиться на их счет: таким образом, они называют женихов молодым девушкам, честолюбцам обещают почести, наследства, скрытые сокровища и прочее. Отсюда часто происходят неприятные обманы, от которых серьезный и благоразумный человек всегда сумеет предохранить себя.

26. Весьма многочисленный класс, самый многочисленный даже, но который нельзя поместить в числе противящихся, – это класс сомневающихся. Это вообще *спиритуалисты* по принципу; у большей части из них есть смутное сознание спиритических идей, стремление к чему-то, чего они не могут определить. Их мыслям недостает только порядка и последовательности; для них спиритизм есть как бы луч света; это сияние, рассеивающее туман; они принимают его охотно, потому что он избавляет их от мучений неизвестности.

27. Если мы бросим теперь взгляд наш на различные категории верующих, мы найдем сперва спиритов, не сознающих этого; это, собственно говоря, видоизменение или оттенок предыдущего класса. Не слышав никогда о спиритизме, они имеют врожденное сознание тех великих начал, которые вытекают из него, и это чувство просвечивает в некоторых местах их сочинений и в их разговорах до такой степени, что, слушая их, думаешь, что они совершенно посвящены в учение спиритизма. Подобные примеры встречаются очень часто между писателями, как духовными, так и светскими, между поэтами, ораторами, моралистами, древними и новыми философами.

28. Убедившиеся непосредственным изучением предмета могут быть разделены на четыре разряда:

1) Те, кто верят только в явления. Спиритизм для них есть простая наука наблюдений, ряд явлений более или менее любопытных. Мы назовем их *спиритами-наблюдателями*.

2) Те, кто видят в спиритизме не одно только явление; они понимают философскую часть его, восхищаются моралью, которая вытекает из него, но не следуют ей. Влияние его на характер их незначительно или вовсе не существует даже. Они ничего не изменяют в своих привычках и не отказывают себе ни в одном наслаждении. Скупой, гордый, завистливый остаются такими же, нисколько не исправляясь. Для них христианское милосердие есть прекрасное правило и только; это *спириты несовершенные*.

3) Те, кто не довольствуются одним восхищением спиритической моралью, но которые применяют к делу и принимают все ее последствия. Будучи убеждены, что земное существование есть временное испытание, они стараются воспользоваться этими краткими минутами, чтобы идти по пути прогресса, который один может возвысить их в иерархии духов. Они делают

добро и искореняют в себе дурные наклонности. Их отношения всегда верны, потому что убеждения их удаляют их от всякой дурной мысли. Христианская любовь управляет всеми их поступками; это *истинные спириты*, или, лучше, *спириты-христиане*.

4) Есть еще *спириты экзальтированные*. Род человеческий был бы совершенен, если бы он извлекал из всего одно только хорошее. Крайность во всем вредна. В спиритизме она рождает доверие слишком слепое и часто легкомысленное ко всем вещам невидимого мира и заставляет принимать слишком легко и без контроля то, что оказалось бы нелепым или невозможным, если бы подвергли его анализу рассудка. Но энтузиазм не рассуждает, он ослепляет человека. Этого рода последователи скорее вредны, чем полезны для спиритизма. Они менее всех способны убедить, потому что суждениям их не доверяют вообще; они всегда бывают обмануты или духами, или людьми, которые стараются употребить в свою пользу их легковерие. Если бы они одни только испытывали последствия своего заблуждения, то зло было бы еще не так велико. Но хуже всего то, что они, нисколько не желая этого, доставляют оружие неверующим, которые больше ищут случая посмеяться, чем убедиться в истине, и не замедлят приписать всем смешную сторону некоторых. Такое действие, без сомнения, не может назваться ни справедливым, ни разумным; но известно, что противники спиритизма признают правильными только свои рассуждения и менее всего заботятся о том, чтобы знать предмет, о котором говорят.

29. Средства убеждения чрезвычайно разнообразны, в зависимости от лица, к которому обращаются. То, что убеждает одних, нимало не действует на других. Один убеждается материальными проявлениями, другой – сообщениями разумными, большее же число – рассуждением. Мы можем сказать даже, что на большую часть тех, кто не приготовлены рассуждением, материальные феномены имеют мало влияния. Чем феномены эти необычайнее и чем более уклоняются они от известных законов, тем более встречают недоверия, и это потому, что человек естественно сомневается при виде явлений, превышающих его понятия. Каждый смотрит на них со своей точки зрения и объясняет их по-своему: материалист видит в них причину чисто физическую или обман; невежда и суеверный – действие дьявольское или сверхъестественное, тогда как предварительное объяснение уничтожает предубеждения и может показать если не действительность, то хотя бы возможность явления. Его понимают прежде, нежели увидят; когда же возможность признана, тогда недалеко уже и до полного убеждения.

30. Полезно ли стараться убеждать упорно неверующего?

Мы сказали, что это зависит от причин и свойств его неверия. Часто настояния дают идею убеждаемому, что личность его очень важна, и потому он более противится. Кто не убеждается ни рассуждениями, ни фактами, тот, значит, должен еще подвергнуться испытанию неверия. Надо предоставить Провидению заботу окружить его обстоятельствами, более благоприятными для него. Много есть людей, которые ищут света, и потому не для чего терять время с теми, которые его отвергают. Обращайтесь же к людям с доброй волею, которых гораздо больше, чем предполагают, и их пример преодолет препятствия скорее, чем слова. Истинный спирит не пропустит случая сделать добро, облегчить страждущее сердце, утешить несчастного, ободрить безнадежного, произвести нравственный переворот: в этом заключается его миссия. В этом он найдет также утешение для себя. Спиритизм буквально висит в воздухе. Он распространяется вследствие естественного хода вещей и потому, что он делает своих последователей счастливыми. Когда его противники будут слышать о нем везде, даже в кругу своих приятелей, тогда они поймут свое одиночество и будут принуждены или молчать, или сдаться.

31. Чтобы преподавать спиритизм так, как преподают другие науки, следовало бы показать весь ряд феноменов, которые могут быть произведены, начиная с самых простых и постепенно восходя до самых сложных. Но этого-то и нельзя сделать, потому что невозможно

проходить курс опытного спиритизма, как проходят курс опытной физики или химии.⁷ В естественных науках имеют дело с грубой материей, которую заставляют действовать по желанию и всегда почти могут быть уверены в успехе опытов. В спиритизме же имеют дело с разумными существами, имеющими свою волю и доказывающими нам ежеминутно, что они не подчинены нашим капризам. Следовательно, надо наблюдать, выжидать результатов и схватывать их, так сказать, на лету; и потому мы объявляем прямо, что тот, кто надеется получить их по своему желанию, должен быть или малосведущий, или обманщик. Вот почему истинный спиритизм никогда не может быть зрелищем, никогда не станет на подмостки. Безрассудно предполагать даже, что духи явятся напоказ и подчинят себя исследованию как предмет любопытства. Следовательно, феномены могут или вовсе не быть, когда они нужны, или представиться совершенно в другом виде, а не в том, в каком бы их желали. Прибавим еще, что для получения их нужны лица, одаренные особенными способностями, и что эти способности разнообразны до бесконечности, в зависимости от расположения особ, но так как весьма редко случается, чтобы одно и то же лицо заключало в себе все медиумические качества, то это составляет новое затруднение, потому что нужно иметь под рукою целую коллекцию медиумов, что почти невозможно.

Чтобы избежать этого неудобства, нужно начинать с теории. Там все феномены пересмотрены, объяснены, и потому легко отдать себе в них отчет, понять их возможность, знать условия, при которых они могут производиться, и препятствия, которые могут им помешать, в каком бы порядке они ни следовали. Тогда ничто не покажется странным. Этот путь представляет еще другую выгоду: он освобождает наблюдателя от множества обманов. Предупрежденный относительно затруднений, он может быть осторожен и избежит приобретения опытности за свой счет.

Трудно определить, сколько лиц, с тех пор как мы занимаемся спиритизмом, приходило к нам, и между ними мы видели много таких, которые остались равнодушными и неверующими в присутствии фактов самых очевидных и которые были убеждены впоследствии разумным объяснением. Сколько других было подготовлено к убеждению с помощью рассуждения; сколько, наконец, таких, которые убедились, не видя ничего, потому единственно, что они поняли. Мы это говорим по опыту и вот почему утверждаем, что самая лучшая метода спиритического преподавания состоит в том, чтобы обращаться к рассудку прежде, чем к зрению. Этой системе мы следуем в наших уроках, и результаты тому оказываются самые положительные.⁸

32. Предварительное изучение теории имеет еще и другую выгоду: оно тотчас показывает великую цель и значение этой науки. Тот, кто начинает занятия свои с вертящихся столов, бывает более расположен к шуткам, потому что ему трудно представить себе, что из этих опытов могло выйти учение, которое должно преобразовать человечество. Мы всегда замечали, что люди, верившие прежде, чем они видели что-нибудь, потому только, что они читали и поняли, бывают более других склонны к серьезному занятию спиритизмом. Так как они обращают внимание больше на сущность предмета, чем на форму его, то для них философская часть его есть главное, феномены же вещь второстепенная, и потому они говорят, что если бы феномены эти и не существовали, то все-таки осталась бы философия, которая разрешает вопросы неразрешимые и которая пока одна только дает разумную теорию прошедшего и будущего человека. Они предпочитают учение, объясняющее всем другим учениям, которые не объясняют вовсе или объясняют неудовлетворительно. Кто рассуждает, тот легко поймет, что учение это могло бы существовать независимо от явлений; они подтверждают его, но не составляют его необходимого основания. Серьезный наблюдатель не отвергает их нисколько, но он ожидает благо-

⁷ В настоящее время это почти возможно. Все дело заключается в умелом подборе медиумов, глубоких знаниях руководителя опытов и согласии духов. — *Асгарта*.

⁸ Наше теоретическое и практическое обучение всегда бесплатно. — А. К.

приятных условий, которые позволят ему быть свидетелем их. Доказательством этому может служить то, что многие, прежде чем услышали о явлениях, имели внутреннее сознание этого учения, которое привело только в порядок их идеи и составило из них одно целое.⁹

33. Впрочем, несправедливо было бы сказать, что начинающие с теории не имеют предмета практических наблюдений. Напротив, они встречают предметы наблюдений, имеющие особенное значение в глазах их, это многочисленные факты *самопроизвольных явлений*, о которых мы будем говорить в следующих главах. Мало таких лиц, которые не знали бы их, хотя бы понаслышке. Многие были сами свидетелями их, хотя и не обращали на них особенного внимания. Теория объясняет нам эти явления, и мы скажем, что явления эти имеют весьма большое значение, когда опираются на неопровержимые свидетельства, потому что в этом случае нельзя предположить ни подговора, ни обмана. Если бы производимые явления и не существовали, то это не помешало бы существованию проявлений самопроизвольных, и спиритизм, объясняющий их совершенно удовлетворительно, оказал бы этим самым уже немалую услугу. Помимо того, читающие часто вспоминают подобные факты, которые тогда служат для них подтверждением теории.

34. Наш взгляд на вещи был бы ложно понят, если бы предположили, что мы советуем пренебрегать фактами. С помощью фактов мы и дошли до теории. Правда, для этого нам был нужен упорный труд нескольких лет и тысячи наблюдений. Так как факты послужили нам и каждый день еще служат, то мы были бы непоследовательны, если бы опровергали их важность, в особенности тогда, когда составляем книгу, назначенную для изучения их. Мы говорим только, что без рассуждения они недостаточны для того, чтобы достигнуть убеждения, что предварительное объяснение, разрушая предубеждение и показывая, что в них нет ничего противного рассудку, располагает к их приятию. Это так справедливо, что из десяти новых лиц, которые присутствовали бы при опытах, самых убедительных для верующих, наверное, девять выйдут из него не будучи убежденными, а некоторые с еще большим неверием, чем прежде, потому что опыты не будут отвечать их ожиданию.

Совсем другое будет с теми, которые в состоянии дать себе отчет с помощью предварительного знания теории. Для них это средство проверки. Ничто их не удивляет, даже самая неудача, потому что они знают, при каких условиях факты производятся, и что от них следует требовать того только, что они могут дать. Предварительное понимание явлений ставит их в возможность дать себе отчет во всех даже неправильностях, и вместе с тем оно позволяет им схватывать множество подробностей, оттенков, часто едва заметных, которые для них служат средствами к убеждению и которые ускользают от несведущего наблюдателя. Вот причины, заставляющие нас допускать в наши опытные сеансы только лиц, имеющих достаточные предварительные сведения, чтобы понимать все, что там делается, ибо мы убеждены, что другие потеряли бы только свое время или заставили бы нас терять наше.

35. Тем, которые желают приобрести эти предварительные сведения посредством чтения наших произведений, вот порядок, которому мы советуем следовать:

1) «Что такое спиритизм?» Эта брошюра есть краткое изложение начал спиритической науки, общий взгляд, который дает возможность обнять все в узкой рамке. В немногих словах ее видна цель, и по ней можно судить о важности предмета. Кроме того, там найдут ответы на главнейшие вопросы и возражения, которые могут сделать лица, еще не посвященные в эту науку. Это первое чтение, не требующее много времени, есть введение, которое облегчает более глубокое изучение.

2) «Книга духов». Она содержит полное учение, продиктованное самими духами, со всею его философией, со всеми его нравственными последствиями; это раскрытая судьба человека,

---

⁹ Прекрасный пример этого представляет А. Н. Аксаков, который, сделавшись спиритом, только через пятнадцать лет увидел первые явления на спиритическом сеансе. — *Асгарта*.

посвящение в таинства природы духов и тайны загробной жизни. Читая ее, делается понятно, что спиритизм имеет цель серьезную и не есть пустое препровождение времени.¹⁰

3) «Книга медиумов». Она предназначена в качестве руководства по производству явлений. В ней излагаются средства самые удобные для сообщения с духами; это руководство как для медиумов, так и для вызывателей и дополнение к «Книге духов».

4) «*La Revue Spirite*» («Спиритское обозрение», журнал) есть собрание явлений, теоретических объяснений и отдельных статей, которые дополняют то, что сказано в предыдущих двух книгах. Чтение этих книг может быть одновременным, но оно будет полезнее и понятнее, если их будут читать после, в особенности после «Книги духов».

Вот все, что касается нас. Те, кто желают знать остальное, относящееся к этой науке, по необходимости должны читать все, что написано по этому предмету, или хотя бы главнейшее, и не ограничиваться одним автором. Они должны читать и за, и против; критики так же, как и апологии; освоиться с различными системами, чтобы иметь возможность судить по сравнению. В этом отношении мы не хвалим и не порицаем никакого сочинения, не желая ни в чем иметь влияние на мнение, которое могут себе составить. Положив наш камень в здание, мы становимся в ряды: нам не принадлежит право быть судьей, и мы не имеем глупой претензии полагать себя единственными распространителями света. Дело самого читателя отличать хорошее от дурного, истину от лжи.

---

¹⁰ «Книга духов» заключает в себе трапецидальную сторону предмета. «Книга медиумов» – практическую, и по содержанию своему она должна быть настольной книгой всех спиритов, занимающихся светлыми или темными сеансами. – *Асгарта*.

Глава 4. Системы или попытки объяснения спиритических явлений

Анализ различных точек зрения на спиритизм. Системы отрицательные: мошенничество, сумасшествие и безумие, галлюцинация, трещащий мускул, физические причины, отражение мысли. Системы утвердительные: коллективная душа, система сомнамбулическая, пессимистская, дьяволическая или демоническая, оптимистская, униспиритская, мультиспиритская, система материальной души.

36. Когда странные спиритические феномены начали проявляться или, вернее сказать, возобновились в последнее время, первое чувство, возбужденное ими, было сомнение в их действительности, а еще более в их причине. Когда же они были подтверждены неопровержимыми свидетельствами и опытами, которые каждый мог делать, тогда начали истолковывать их по-своему, в зависимости от своих личных идей, своих верований или предубеждений. Отсюда произошло множество систем, которые легко оценить, рассмотрев их внимательно.

Противники спиритизма думали найти поддержку для себя в этой разности мнений, говоря, что спириты сами не согласны между собой. Это была жалкая причина, если подумать, что первые шаги каждой возрождающейся науки по необходимости должны быть неверны до тех пор, пока время позволит собрать и привести в порядок факты, на которых могли бы основать мнение. По мере того как факты пополняются и наблюдение делается точнее, преждевременные идеи уничтожаются и восстанавливается единство, по крайней мере в основных началах, если не во всех частях. То же самое было и со спиритизмом. Он не мог избежать общего закона и даже должен был по своей природе подвергнуться более чем какой-либо другой предмет, различным истолкованиям. Можно сказать, что в этом отношении он шел быстрее, чем другие науки, более старые, чем он, как, например, медицина, которая разделяет еще и теперь ряды самых великих ученых.

37. В методическом порядке, чтобы следовать постепенному ходу идей, следует поместить в начале те системы, которые можно назвать *системами отрицания*, то есть системы противников спиритизма. Мы опровергли их возражения во введении и в заключении «Книги духов», а также и в брошюре «Что такое спиритизм». Было бы излишне возвращаться к тому же здесь; мы ограничимся тем, что напомним в нескольких словах причины, на которых они основываются.

Спиритические феномены бывают двух родов: явления физические и действия разумные. Не допуская существования духов, материалисты не допускают ничего вне материи; понятно, что они отрицают действия разумные. Что же касается явлений физических, то они рассматривают их со своей точки зрения, и их доводы могут быть выражены в следующих четырех системах.

38. *Система шарлатанства.* Между противниками спиритизма многие приписывают эти явления обману на том основании, что некоторым из них легко подражать. Это предположение делает всех спиритов обманутыми и всех медиумов обманщиками, не принимая во внимание ни положения, ни характера, ни добросовестности занимающихся тем людей. Если бы это заслуживало ответа, то мы сказали бы, что некоторым явлениям физики подражают также фокусники и что это ничего не доказывает против истинной науки. Есть, впрочем, люди, сам характер которых отклоняет всякое подозрение в обмане, и надо совершенно не иметь приличий и всякой вежливости, чтобы осмелиться сказать им в глаза, что они сообщники шарлатанства.

В гостиной очень уважаемого дома один господин, по-видимому, образованный, позволил себе размышление подобного рода. Хозяйка дома сказала ему: «Так как вы недовольны,

то при выходе вам возвратят ваши деньги», и жестом дала ему понять, что самое лучшее, что он может сделать, это удалиться.

Следует ли из этого, что никогда не было злоупотребления? Чтобы думать это, надо допустить, что все люди совершенны. Употребляют во зло все, даже самые святые вещи. Почему же не будут употреблять во зло спиритизм? Но дурное употребление вещи не может возбудить подозрение относительно самой вещи; проверкою честности людей могут служить причины, заставляющие их действовать. Где нет спекуляции, там шарлатанству нечего делать.

39. Система сумасшествия. Некоторые из снисхождения, желая удалить подозрения в обмане, уверяют, что те, кто не желают обманывать, обманываются сами: это то же, что назвать их глупцами. Когда же неверующие выражаются не стесняясь, то говорят просто, что они сумасшедшие, удерживая таким образом за собой без всякой церемонии привилегию здравого человека. Это самый сильный довод людей, которые не могут противопоставить ничего дельного. Впрочем, этот способ нападения сделался уже слишком пошлым и не заслуживает, чтобы для опровержения его теряли время. Спириты этим нисколько не смущаются; они бодро идут своим путем и утешаются, думая, что они имеют товарищами в несчастье много людей, достоинства которых не могут быть оспорены. Надо, однако же, согласиться, что это сумасшествие, если только здесь есть сумасшествие, имеет странный характер, а именно что оно поражает преимущественно образованный класс людей, между которыми спиритизм насчитывает в настоящее время большую часть своих последователей.

Если в числе их встречаются некоторые эксцентрические особы, то относительно этого учения они значат не более чем религиозные сумасшедшие относительно религии. Все идеи имели своих фанатиков, и надо быть слишком недалеким, чтобы смешивать преувеличение вещи с самой вещью.

Мы отсылаем для более полных объяснений по этому предмету к нашей брошюре «Что такое спиритизм» и к «Книге духов» (Введение XV).

40. Система галлюцинаций. Другое мнение, менее обидное, потому что имеет отчасти ученый вид, состоит в том, что все феномены относят к обману чувств. Таким образом, наблюдатель остается честным; но только он думает, что видит то, чего не видит. Когда он видит, что стол поднялся и держится на воздухе без всякой точки опоры, то стол вовсе не трогался с места. Его видят в воздухе посредством какого-то миража или посредством действия отражения, которое показывает звезды или какой-либо другой предмет в воде, вне действительного их положения.

Это было бы возможно, но те, кто были свидетелями этого феномена, могли удостовериться в том, что стол поднимается в воздух, проходя под ним, чего нельзя было бы сделать, если бы он не оставлял своего места. Кроме того, случалось несколько раз, что стол, падая, разбивался: не скажут ли, что и это оптический обман?

Известная физиологическая причина может, без сомнения, сделать, что будет казаться вертящимся предмет, который не трогается с места, или покажется, что вертишься сам, тогда как стоишь неподвижно. Но когда люди, стоящие вокруг стола, бывают увлекаемы движением столь сильным, что едва успевают за ним следовать, когда некоторые иногда отбрасываются на пол, не скажут ли, что у всех сделалось головокружение, как у пьяного, которому кажется, что дом проходит мимо него?

41. Система трещащего мускула. Если бы обман и был возможен относительно зрения, то этого не может быть относительно слуха, и когда стук ударов слышен целым обществом, то нельзя разумно приписать его обману чувств. Мы устраняем здесь, очевидно, всякую идею о подлоге и предполагаем, что внимательное наблюдение удостоверяет, что удары эти не происходят от какой-либо случайной или материальной причины.

Правда, один ученый медик дал, по его мнению, решительное объяснение этого феномена.¹¹

«Причина этого явления, – говорит он, – заключается в произвольном или невольном сжимании сухой жилы малоберцового мускула».

Он входит в анатомические подробности самые полные, чтобы доказать, каким механизмом жила эта может производить звук, подражать барабанному бою и даже исполнять мотивы: из этого он заключает, что те, кто думают, что слышат стук ударов в стол, бывают обмануты или мистификацией, или иллюзией. Явление это само по себе не ново. К несчастью для автора этого предполагаемого открытия, теория его не может объяснить всех случаев. Скажем, во-первых, что те, кто пользуются странной способностью заставлять по своей воле трещать свой малоберцовый мускул или какой-либо другой и исполнять таким образом мотивы, – лица исключительные, тогда как люди, производящие удары в стол, весьма обыкновенны, и что те, кто имеют эту последнюю способность, далеко не все пользуются первой. Во-вторых, ученый доктор забыл объяснить, каким образом треск мускула особы, неподвижной и удаленной от стола, мог производить в нем сотрясение, чувствительное осязанию; каким образом этот стук мог отражаться по воле присутствующих в различных частях стола, в другой мебели, в стенах, на потолке и прочая; каким образом, наконец, действие этого мускула могло простираться на стол, до которого не касались, и заставить его двигаться. Объяснение это, если б оно даже и было объяснением, касалось бы только феномена ударов и не могло бы относиться к другого рода сообщениям. Заключим из этого, что автор судил, не видя или видя не все и не рассмотрев хорошенько. Во всяком случае, весьма жаль, что люди ученые торопятся дать объяснения, которые могут быть опровергнуты фактами. Само их знание должно бы сделать их более осмотрительными в суждениях, потому что оно отдаляет от них пределы неизвестного.¹²

42. Система физических причин. Здесь мы выходим уже из системы совершенного отрицания. Когда действительность феноменов была доказана, то первой мыслью тех, кто признали их, было приписать движение это магнетизму, электричеству или действию другого какого-нибудь тока, одним словом, причине чисто физической и материальной. Такое мнение не имело ничего противного рассудку, и оно взяло бы перевес, если б явления ограничились действиями чисто механическими. Одно обстоятельство, казалось, даже подкрепило его: это увеличение в известных случаях силы сообразно с увеличением числа участников сеанса. Таким образом, каждый из них мог быть рассматриваем как один из элементов гальванического столба.

Истинную теорию, как мы уже сказали, характеризует то, что она может объяснить все явления, но если встретится хотя бы одно из них противоречащее ей, тогда ясно, что система эта ложна, не полна или слишком безусловна, что и не замедлило обнаружиться здесь. Эти движения и эти удары давали разумные знаки, повинувшись воле и отвечая на мысль; следовательно, они должны были иметь разумную причину. Поскольку действие перестало быть чисто физическим, причина, по этому самому, должна была иметь другой источник. Таким образом, система исключительного действия материального деятеля была оставлена, и теперь ее придерживаются только те, кто судят поверхностно, не видев фактов. Главное, следовательно, состоит в том, чтобы доказать разумное действие, а в этой может убедиться всякий, кто только возьмет на себя труд наблюдать.

43. Система отражения. Когда разумное действие признано, тогда остается узнать источник этого разумного действия. Думали сперва, что источником этим мог быть сам медиум или присутствующие, разум которых отражался, как свет или как волны звука. Это было воз-

¹¹ Г-н Жобер из Ламбаля. Чтобы быть справедливым, должно сказать, что это открытие сделано г. Шиффом; г. Жобер развил его пред Медицинской Академией, чтобы нанести решительный удар стучащим духам. Все подробности этого можно найти в «Revue Spirite» за июнь 1859 г. – А. К.

¹² Объяснение спиритических стуков трещанием сухожилий до того наивно, что в настоящее время не заслуживает ни малейшего внимания. – Асгарта.

можно. Но только одни наблюдения могли решать это положительно. Заметим здесь, что эта система уклонялась уже совершенно от идеи чисто материальной. Чтобы разум присутствующих мог воспроизводиться путем косвенным, необходимо было допустить в человеке начало, независимое от физического тела.

Если бы выражаемая мысль была всегда согласна с мыслью присутствующих, тогда теория отражения была бы подтверждена; но даже и в этом виде не был ли феномен этот в высшей степени любопытен? Мысль, отражающаяся в неподвижном теле и выражаемая движением и стуком, не являлась ли бы фактом весьма интересным? Не заключалось ли здесь чего-нибудь такого, что должно было бы подстрекнуть любопытство ученых? Почему же они пренебрегли этим, они, которые с таким усилением разыскивают каждую нервную клетку?

Одни наблюдения только могли опровергнуть или утвердить эту теорию, и они опровергли ее, потому что они показывают нам ежеминутно, что выраженная мысль может быть не только чужда мыслям присутствующих, но что бывает даже совершенно им противоположна; что она противоречит всем предварительно составленным идеям, разрушает всякую предсмотрительность. Действительно, когда я думаю: белое, а мне отвечают: черное, тогда мне трудно думать, что ответ происходит от меня. Многие опираются на некоторые случаи тождества выраженной мысли с мыслью присутствующих. Но что же это доказывает, как не то, что присутствующие могут думать так, как и разумное существо, которое сообщается? Никто не говорит, что оно всегда должно быть противного мнения.

Когда в разговоре собеседник ваш излагает мысль, сходную с вашей, скажете ли вы, что мысль эта происходит от вас? Достаточно нескольких примеров, чтобы доказать, что эта теория не может быть безусловно верной. Как объяснить, впрочем, отражением мысли писание, произведенное лицами, которые не умеют писать, ответы самой высшей философии, полученные лицами неучеными, ответы, данные на вопросы мысленные или на языке, незнакомом медиуму, и тысячи других фактов, которые не могут оставить никакого сомнения в независимости существа, которое проявляется? Противное мнение может быть только результатом недостатка наблюдений.

Если присутствие постороннего разума доказывается морально, свойством ответов, то оно доказывается также и материально, фактом непосредственного писания, т. е. писанием, полученным без пера и карандаша, без прикосновения медиума и, кроме того, при всех принятых предосторожностях, чтобы предохранить себя от всякого обмана.¹³ Разумный характер феномена не может подлежать никакому сомнению, следовательно, есть другая причина, кроме действия невесомой материи. Наконец, самопроизвольно выраженная мысль, вне всякого ожидания и всех предложенных вопросов, не позволяет видеть в этом отражение мысли присутствующих.

Система отражения довольно неучтивя в некоторых случаях. Когда в собрании людей порядочных получается внезапно сообщение, возмущающее своею грубостью, то было бы нелестно для присутствующих предположить, что оно происходит от одного из них, и весьма вероятно, что каждый поспешит отказаться от него (см. Книгу духов, Введение XVI).

44. Система собирательной души. Это подразделение предыдущей системы. По этой системе одна только душа медиума проявляется, но она соединяется с душами многих других живых особ, присутствующих или отсутствующих, и составляет *собирательное целое*, соединяя расположения, разум и знания каждого. Хотя брошюра или теория эта названа «Свет»,¹⁴ но она нам показалась весьма темной, признаемся, что мы мало ее поняли и только упоми-

¹³ Здесь А. Кардек говорит про непосредственное трансцендентальное писание. Для этого писания невидимые деятели употребляют свой материал, карандаш, чернила или краски. Написанное обыкновенно так прочно материализовано, что не уничтожается. Это один из любопытнейших примеров материализации. — *Асгарта*.

¹⁴ Причастие. Свет феномена духа. Говорящие столы, сомнамбулы, медиумы, чудеса. Духовный магнетизм; могущество веры. Соч. Эма Тирпсе, собирательной души, пишущей через посредство дощечки. Брюссель, 1858 г., у Девруа. — А. К.

наем здесь о ней. Это, впрочем, как и многое другое, есть личное мнение, которое мало имело приверженцев. Имя Эма Тирпсе принято автором, чтобы обозначить существо собирательное, которое он представляет. Для эпитафии он взял: *«Нет ничего тайного, что не должно сделаться явным»*. Это предложение очевидно ложно, потому что есть множество вещей, которых человек не может и не должен знать. Слишком дерзок был бы тот, который пожелал бы проникнуть во все тайны Божества.

45. Система сомнамбулическая. Эта система имела более приверженцев; ее придерживаются еще и теперь. Как и предыдущая, она допускает, что все разумные сообщения имеют своим источником душу или дух медиума. Но чтобы объяснить способность его судить о предметах, превышающих его сведения, вместо того чтобы предполагать в нем собирательную душу, она приписывает это минутному раздражению умственных способностей, состоянию, подобному сомнамбулизму или экстазу, которое воспламеняет и развивает его разум.

Нельзя отвергать в некоторых случаях влияния этой причины, но достаточно видеть медиумов на деле, чтобы убедиться, что она не может разрешить всех явлений и что она составляет исключение, а не правило. Можно было бы принять эту теорию, если бы медиум всегда имел вид вдохновенного или восторженного, вид, которому, впрочем, он всегда может подражать, если пожелает разыграть комедию. Но как верить вдохновению, когда медиум пишет как машина, не имея ни малейшего сознания о том, что он получает, без малейшего волнения, не обращая внимания на то, что он делает, и смотря в сторону, смеясь и разговаривая о различных вещах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.